

Сказку Г.Х. Андерсона про гадкого утёнка знают все с малых лет. Помнят, как тот прошёл через множество испытаний, даже чуть было не замёрз во льду. Однако совсем скоро подрос и превратился в прекрасного лебедя. История нашего героя напрямую связана со сказочным персонажем.

Поэзия души

– Виктор Тимофеевич, когда вы были мальчишкой, фамилия доставляла вам проблемы?

– Да, в какой-то степени жить с фамилией Гусёнок было сложно. Но именно это и подстёгивало к тому, чтобы стать лебедем, – лучше, красивее, благороднее. Хотя бы в собственных глазах.

– Вы им стали. Не случайно кто-то из столичных критиков охарактеризовал ваши стихи как «поэзию Серебряного века».

– Звучит как комплимент, но тогда я услышал в этой рецензии упрёк. Не примеряйте меня к современности, а воспринимайте таким, каков я есть.

– Возвышенные стихи, тонкая душевная организация – и вдруг такая проза жизни, как жилищно-коммунальное хозяйство. Вы ведь работаете инженером-механиком в ООО «ЦКО Боровск», а до этого были слесарем при ЖПЗТе №1.

– Внутренний конфликт существует. Особенно меня это напрягает в последнее время, когда душа рвётся к творчеству, но работа необходима для существования. Конечно, хорошо бы не думать о зарабатывании денег, а заниматься любимым делом: писать, издавать свои

стихи. Но это несбыточная мечта, поэтому я ищу компромиссы. Допустим, вернувшись с работы, примерно час-полтора отхожу от неё: ни с кем не разговариваю, а бездумно смотрю телевизор или раскладываю пасьянсы. Только после этого могу сказать, что я пришёл.

– Чтобы жить в гармонии с собой, может, надо было учиться в литературном институте, а не в горно-химическом техникуме?

– Мне это даже в голову не приходило. Во-первых, в нашей семье не было поэтов: мама – штукатур-маляр, папа – столяр-плотник. Во-вторых, у меня в школе с русским языком были разногласия. Хотя попытки рифмовать слова я делал уже тогда. Однажды целое сочинение в стихах написал. Не представляю, как отреагировала учительница, когда читала стихотворное описание вазы с фруктами и стакана, изображённых на картине. Потом из жизни ушла мама, и мне надо было приобретать профессию, чтобы зарабатывать на жизнь.

– Это были 90-е годы – трудные, непонятные, сумасшедшие.

– Люди в любой ситуации должны оставаться людьми и сохранять в себе то хорошее, что есть в каждом. Я старался избегать проблем с законом. В то

время мне уже очень хотелось писать. Я учился выражать мысли чётче и ярче самостоятельно, по книгам, на которые не жалел стипендию. Например, «Разговоры с Гёте», который следил, как выглядит освещение в разное время суток, наблюдал за бликами и игрой теней, чтобы потом отразить свои наблюдения в стихах. Тогда же я стал отсылать свои работы в различные газеты, вплоть до областных и российских.

– И получали отказ в публикации. Не возникало мысли, что поэзия – это не ваше?

– Одна из сторон творчества – уметь воспринимать критику и извлекать уроки. К тому же в тот период мне встретились люди, убедившие меня, что я на правильном пути. Один из них – Герман – бывший корреспондент газеты «Соликамский рабочий», с которым я случайно познакомился в автобусе. На моё заявление, что писать стихи не о чем, так как темы исчерпаны, он усмехнулся: «Тем вокруг выше крыши – только присмотрись». Второй – Ювиналий Чирков. Он работал тогда редактором газеты. Когда мы с ним разговаривали, сидя на диванчике в коридоре редакции, он мне сказал, что если я пишу не только для своих друзей

и знакомых, но и для других людей, значит, обязан доводить каждое стихотворение до совершенства.

– Совершенное стихотворение – это какое?

– На мой взгляд, это пазл, в котором каждое слово нашло своё единственно правильное место. Стоит его поменять, и картинка потеряет целостность. Если чувствую, что текст не готов, стараюсь его не озвучивать или апробирую: слушатели не так восприняли – значит, надо дорабатывать.

– А когда каждое слово в вашем стихотворении начинается с одной буквы, или всё оно строится на единственном слове «случайно» – это тоже игра?

– Это литературные эксперименты. Начались они с поэтического словаря 60-х годов, который мне когда-то дал председатель клуба «Лира» Леонид Олюнин. С его помощью я попытался писать в разных стилях и жанрах – это безумно интересно.

– У вас есть работы, начинающиеся со строк, принадлежащих другим авторам. Например, «Кто сказал, что земля умерла?» Высоцкого – про заброшенные деревни на севере нашего края, и «Город древний. Город славный» Новикова – про Соликамск. Вас не обвиняли в плагиате?

– Когда я их писал, не думал, что взял чужие строки. Просто они всплыли в памяти и потянули за собой новые образы, из которых

сложились свои, отличные от оригинала, картины.

– У вас автобиографические стихи?

– Нет, я не пишу о себе. Я придумываю героя, его историю, его чувства и эмоции. Иногда героиней выступает женщина – это тоже своего рода эксперимент: выразить то, что ты, будучи мужчиной, просто не в силах понять. Поэтому когда кто-то спорит со мной, что так думать и поступать лирический герой не может, я лишь развожу руками: не отождествляйте меня с ним – это не мои мысли.

– Как бы вы ни отрецивались от своей причастности, но над всеми стихами о любви готовы подписать «Посвящение Ольге». В чём секрет вашей преданности жене, несмотря на распространённое мнение, что все поэты влюбчивы и легкомысленны?

– Да, в браке мы с 1991 года. А познакомились, как это чаще всего бывает, на работе. Мы трудились в одном цехе на заводе «Урал»: я – слесарем КИП, она – лаборантом. С тех пор не расстаёмся. Секрет нашего семейного долголетия в том, что мы дополняем друг друга. Я человек робкий, а Оля понапористее и посмелее. Я, прежде чем на что-то решиться, буду осторожничать: долго думать и вынашивать идею, а она вмиг её подхватывает и продвигает дальше. Кроме того, прочность семьи зависит от взаимопонимания, способности где-то уступить, чего-то не заметить. А ещё Ольга – мой первый рецензент, причём довольно строгий, к её мнению я прислушиваюсь.

– У вас три дочери. Сильно переживали, когда отдавали старшую

замуж? Ведь говорят, что отцы сильнее привязаны к девочкам, нежели к сыновьям?

– Это её жизнь, и она сама выбрала свой путь. Мы сами-то кого спрашивали, когда женились? Поставили родителей перед фактом – и всё. Кто-то упрекнёт меня в том, что я невнимательный отец. Но, на мой взгляд, детям надо доверять, потому что чем больше запрещаешь, тем сильнее у них желание нарушить запрет. И потом – мы сами не знаем, правильно ли живём. Как после этого указывать другому человеку, даже если это твой ребёнок? Чему случиться – того не избежать.

– То есть вы, будучи по гороскопу Рыбой, предпочитаете плыть по течению?

– Не всегда. По течению, конечно, плыть приятнее и легче. Но при этом ты уже не чувствуешь своего участия в чём-либо, а для меня это важно. Плыть против течения сложнее – это постоянная борьба. Однако она стимулирует тебя и держит в напряжении.

– А если сопротивляться нет сил? Из-за того же творческого кризиса, который случается в работе любого служителя искусства.

– Полтора года я был в этом состоянии застоя, когда ничего не получалось, одолела апатия, и всё виделось в чёрном свете. Меня такое состояние души бесит, и теперь я стараюсь не позволять себе расхолаживаться. Надо действовать и верить, что успех обязательно придёт. Это такое счастье, когда ты закончил текст и он звучит красиво!

Ольга ППППШИКОВА